ПОЭТОГРАД

№ 43 (94)
Ноябрь
2013

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Поэзия Константина Кедрова, Клементины Ширшовой, Игоря Павлюка, Игоря Григорова

Евгений Чигрин о творчестве Игоря Павлюка

Юрий Годованец о новой книге Юрия Беликова «Я скоро из облака выйду»

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВСЕВОЛОД НЕКРАСОВ

* * *

Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода

(Стихотворения из книги В. Некрасова «Справка», Постскриптум, Москва, 1991)

СОБЫТИЕ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТОЛОГИИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

14 октября в Малом зале ЦДЛ состоялась презентация 3-х томной книги филолога и поэта Евгения Степанова «Жанры и строфы современной русской поэзии. Версификационная практика поэтов XX и XXI веков». Организатором презентации выступил Союз писателей Москвы.

Евгений Степанов рассказал о том, как стал заниматься стиховедением еще в студенческую пору, на факультете иностранных языков Тамбовского педагогического института, а потом продолжил — в аспирантуре МГУ и докторантуре РГГУ (на знаменитой кафедре сравнительной поэтики, где многие годы работал выдающийся филолог М. Л. Гаспаров).

В трехтомнике представлены стихи современных поэтов, написанные в следующих жанрах: одностроки, дистихи, катрены, терцеты, пятистишия, восьмистишия, сонеты, палиндромы, заумь и т. п. А также опубликованы статьи Степанова об этих жанрах и формах.

— Много лет назад я стал изучать параллельную, не мейнстримовскую поэтическую культуру России, публиковал и публикую поэтов в своих журналах — «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ» и др. Напечатав их, я стал их изучать как филолог, — рассказал автор нашему корреспонденту.

На вечере выступили участники антологии — Кирилл Ковальджи, Константин Кедров, Нина Краснова, Евгений В. Харитоновъ, Владимир Коркунов, прозвучали песни в исполнении Виктора Попова, Ирины Голубевой.

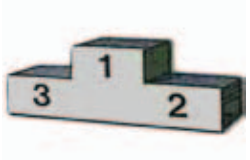
Вел вечер патриарх русской поэзии, секретарь СП Москвы Кирилл Ковальджи.

В настоящее время Евгений Степанов продолжает работу над двумя дополнительными томами антологии. Они будут посвящены уже не жанрах и формам, а конкретным современным поэтам.

Василий МАНУЛОВ

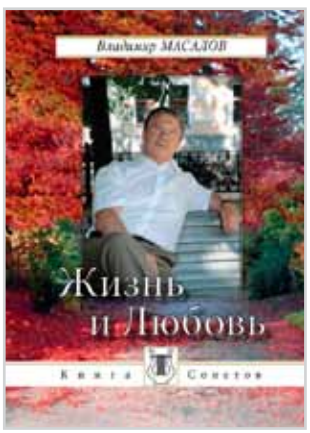
ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ



Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

«Убийства в доме Романовых»
М.: «Вест-Консалтинг», 2013



Владимир Масалов
«Жизнь и любовь»
М.: «Вест-Консалтинг», 2013

Илья Рейдерман
«Надеяться на понимание»
М.: «Вест-Консалтинг», 2013

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ПЕРЕВОДЫ ПОЭТОГРАДА

ИГОРЬ ПАВЛЮК
МОЙ ХЛЕБ

Игорь Павлюк — известный украинский поэт, один из ярчайших представителей современной литературы Украины, в творчестве которого мифопоэтическая традиция органически переплетается с классическими канонами и постсовременными инновациями.

Родился в Украине (Волынская область) 1 января 1967 года.

Учился в Санкт-Петербургском военном училище, строил дорогу в Забайкальской тайге, работал журналистом (в том числе в религиозной прессе), на радио.

В 1992 году окончил Львовский государственный университет им. Ивана Франко, факультет журналистики. С 1987 года жил во Львове. С 2003-го года — в Киеве.

Лауреат Народной Шевченковской премии (Железный Мамай), международной литературной премии имени Николая Гоголя «Триумф», премии имени Григория Сковороды и многих других.

Автор более 30 книг.

По композициям стихов Игоря Павлюка созданы театральные постановки. Его пьеса «Вертеп» входит в репертуар Львовского драматического театра имени Леси Украинки.

Произведения Игоря Павлюка переведены на русский, белорусский, польский, английский, латышский, болгарский, японский языки.

Отдельными изданиями вышли книги лирики Игоря Павлюка в США, Польше.

Евгений ЧИГРИН

* * *

Как на березе — шрамы белых лезвий:
На черном марте — пятна февраля.
Душою пьяный, грешным телом — трезвый,
Я в бодуне с банкета короля,
Где пил вино из чертового рога
И с юной ведьмой чокался на «ты».
Змеиным сердцем плавилась дорога
В небесный град. К Воротам Золотым.

Нагие звезды воронов безгнездых
Несли свой крик в историю и в смерть.
И кони гневно раздували ноздри,
Степных волков предвосхищая шерсть.

Как в морду пса, я вглядывался в море
И видел птиц с глазами рыбьих змей.
Себя шутя готовил к смерти скорой,
Как дед когда-то — полюшко к зиме.

Смеялась смерть,
Размахивая флагами,
И визы жгла в палаточной тиши.
А кости ребер — это дрот концлагеря
Для диссидентки маленькой — души.

Запущен пращей вечный корень камня, —
И слава слов летит во все концы.

Кругом весна.
Но так грызет тоска меня...
И жизнь — мертва.
И живы — мертвецы.

Перевод Евгении Бильченко

* * *

Полоска странгуляции — дорога.
Идут две бабки
(Смерть кого-нибудь —
Одна из них): от Бога или к Богу?
А путь — пространство?
Или время — путь?

Разжиженным стеклом редеет голос.
Бледнеют на артериях следы.
Мы, возвращаясь, платим сердцем голым.
Уходим в воду, выйдя из воды.

Кайфуем между будущим и прежним,
Где «черный ящик» в твой обтесан рост.
И кровью с медом светятся черешни —
Нахальные бастарды падших звезд.

Но старый цвет пчелой не обесчещен.
Он пережил последний сон снегов
И незаметно сам стал снегом вещим,
Что сыплет речью бессловесных слов.

А бабки все идут...
Их пересуды —
Про та да се:
У них нейтралитет.

Идут в Ничто и вышли Ниоткуда.
Тем более, что муж одной — поэт...

Перевод Евгении Бильченко

ЛЕТО–2012

Евгении Бильченко

Эта жаркая грусть.
Амазонки. Вечерние кони.
Танец смерти, змеясь, завивается в черный ручей.
Журавлиным ключом правоверные жмутся к иконе.
Только я, — как ничей.

Я ничей до поры.
Ночь, — как уголь на крови.
Что скажешь?
Синей глиной залеплены веки:
Слепыми идем.
Я рассвета напьюсь и наемся охотничьей каши.
И умоюсь дождем.

Если песня — наш хлеб,
Я, наверное, — сам себе пекарь.
Пел поэтом-дитем. Нынче гуру-поэтом пою.
В катакомбах костей тарахтят ледяные доспехи.
Здесь в аду реют чайки — и ползают змеи в раю.

Облака, настоявшись на соснах, белеют грибами.
На извечных болотах нездешний цветет небосвод.
Что тут скажешь еще?
Я в лесу, — как в Софиевском храме.
Здесь душа не умрет.

Перевод Евгении Бильченко

* * *

Лето уснуло — и смерть над лугом.
Жизнь, — как листочек рваный.
Ползи по нему хоть до Джомолунгмы
Божьей коровкой — в свою нирвану.

А я, возвратившийся с Того света,
Уже не хочу Суда.
Дешевые драмы душевных веток
Сломаны... Все — вода.

Небо стареет шекспировской Данией.
Ветер в подмышках крон.
Все мы туда попадем когда-нибудь,
Покуда не спит Харон.

Заячьи глазки русалок сонных.
Травы. Костры. Зола.
Даль, одержимая лунным солнцем,
Зарастает цветами зла.

Что мне — дощатые, человечьи ли —
Поле, полова, пол?
Я все равно шагаю по вечности
На золотой престол.

Рыжая проседь пахнет вокзалом.
Гаснут дороги жил.
«Жил»... То есть, жил, — или показалось?
Ясли родных могил.

Страх безголового в изголовье,
Будто без хлеба — соль.

Завтра нас всех умертвит любовью
Нежная гейша-боль.

* * *

Живу. Учусь я ненавидеть злато,
Познав покой и счастия, и гроз.
И женщины (волнением объяты)
Дрожат и косы кутают в мороз.

В зеницах заблудился я и в звездах,
Мой хлеб пропах церквями и вином.
И глубоко во мне скрипит колодец,
Идет мой правнук от него с Днепром.

Печаль все гуще. Всхлипы мотыльковы.
И в одиночестве из носа кровь.
И мелет кто-то туго и медово
Мои секунды в полноте стихов...

Перевод Марты Январской

* * *

Тишь до предела. Смотрю на море. Чего-то жду.
Чего б дождаться в мои-то годы порой вечерней?
Один.
Свободен.
Водой искрюсь я.
Огнем теку.
Ложатся в руки с интимным вздохом от чаек перья.

Да вдруг ворвется соленый ветер, тишь схватит в плен..
Не то ребенок заплачет тонко в утробе мамы.
И нету боли, нагое тело — как манекен.
Где были песни — теперь товары, где храмы — хамы...

Как снег колонны, как роза парус, луна — лимон.
И виноградник на скалах вьется, где я, где мы...
Под стать сосудам богов античных разросся он.
Звезда и море, слеза и лавры, в ночи громы.

А сердце бьется рыбешкой в сетке.
Грудь в винных пятнах...
Испортил нынче немало крови — стихи карай.
Меня все больше волнуют травы, а люди — вряд ли.
Меня все тоньше волнует море и снежный рай.

А я-то, я-то? Кому я нужен — на вечный миг?
Порывы духа, коварство плоти сполна испиты.
Фрагмент из жизни уже прожит и
Он — черновик.
А новый.. снова..
Я предвкушаю, что будем квиты...

Перевод Марты Январской

* * *

За листопадом — снегопад, за снегопадом...
Опальный свет, опавший цвет родного сада.

И чарка душу не берет, и сабля — тело.
Любовь звезду мне принесла — и улетела.

Как в молоке, уста черешни — в первоцвете.
Играют дети. Просто рай на белом свете.

Рисунки воском — писанки, над караваем.
Мы это прячем в снегопад, а то — скрываем.

Как будто рыбкам золотым над водопадом,
Дрожать от грешности святой шахерезадам,
Хоть сказки новые они опять находят.

За златопадом — сребропад.
Так все проходит.

Перевод Тамары Гордиенко

КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА

ВО СНЕ

* * *

«Ад — это страдание о том, что нельзя уже более любить»
Ф. М. Достоевский

заперта надежно входная дверь,
не откроет ее никто.
и окно мое — никому теперь,
заколочено и темно.
хорошо мне здесь, я сижу одна
и давно не хочу гостей.
только грянет скоро минута зла,
оживет и восстанет зверь.
«сквозь движенья плит,
сквозь раскол земной,
через лаву и через боль», —
— говорили мне, — «не зови его!
потеряешь тогда покой.
это он с низины, где алый дым
оттого, что горит руда», —
— говорили мне, — «прогони его
или будет надрыв, беда».
я решила так: свою дверь запру,
людям стану мертвец, чужой.
сяду здесь на стул и забью окно
и останемся мы с тобой.
«не зови его, не впускай его,
лучше здесь и сейчас умри», —
говорили мне. как же звать его,
если он у меня внутри?

* * *

я подумала о тебе:
отрубился свет,
птицы столкнулись в небе —
и началась гроза.
я подумала о тебе:
вышла из строя техника,
миксер стал биться током,
а фен — дымиться.
я подумала о тебе —
и горшок с цветами,
годы стоявший на полке,
сорвался вниз.
я подумала: все неспроста
движется, как бы ведет к развязке.
и вот однажды
я подумала о тебе:
ты сам предстал предо мной.
это было страшнее всего.
тогда я решила, что больше не буду
о тебе думать..
я подумала о тебе.

* * *

в конце концов, мы все живем во сне.
и это повторялось многократно:
ворочается на седой волне
шум голосов, сменяющийся ватой,
когда выходишь в лето из метро
тверской бульвар, зеленый и щемящий
трамвай — зенит, он желтое ситро
бежит сквозь жизнь, потерянную в чаще
твоих зрачков узорчатых камней
хотя они вершат свое вращенье
вокруг меня, ты не ответишь мне
поскольку это все — стихотворение
банальщина твоя или моя
родная суть, возвергнутая в дело
пространство между буквами редело
протиснувшись, кентавр побежал
трамваю вслед, в копытах жил коралл
кентавр, как прекрасно это тело
но мы как будто им разобщены
пока трубят гранитные слоны
из-за деревьев хищно смотрят гунны
ты что-то достаешь из-за спины
ты ножик достаешь из-за спины
чему-то усмехаешься безумно
но я не вижу, что в твоих руках
но я не вижу смерть в твоих руках
тверской бульвар зеленый и щемящий
я вижу, что ко мне ты сделал шаг
я думаю, пусть будет как-то так
и ты уходишь дальше в чащу, в чащу

* * *

ожидание поезда — вечное, разрывное.
перестук в большом отдалении слышен, вроде.
кто-то сверху давно оставил тебя в покое
помирать среди разрастающихся угодий.
сеять доброе, печь горшки, умножать благое,
но при этом только и делать, что побираться.
правда, бьется чужое, выгнутое, литое —
отыщи его на дне выездного ранца.
отряхни от крошек, вытри от жирных пятен,
чтобы кровь свободно текла из открытой жилы,
лишь тогда исход станет памятен и приятен.
ты поймешь, что я давно уже все решила.

* * *

Л. М.

ты должен быть первым, последним, сорок вторым
на трассе стоять в одиночестве, в позолоте
смотреть, как твой мягкий свет растворяет пыль
воздетую мотоциклистами от дороги.

ты должен остаться в памяти навсегда,
мой дальний маяк, бессмысленная опора
больного духа, где медленная вода
тебя приобнимет выплеском разговора.

а если открою ящик письменного стола,
воспоминания облепят меня, как рыбы.
поэтому он закрыт, только твоя судьба
внутри заперта и можно услышать крики:

«скорее родная, выбраться помоги!
я здесь. неживой, стою посреди дороги.
вне лет и времен, а мимо несутся дроги,
продрогший мотив затаптывая в пески».

но я отвечаю: «без совести, без удил —
пусть едут, зримы Ему и незримы глазу!»
когда стану прежней, какой ты меня любил,
являя собою все воплощения сразу,

ты будешь рядом — бесчисленный и немой.
мой лотос в руке воссияет улыбкой Кришны.
последний секрет раскроет, цветая, вишня
ты, под руку взяв, меня поведешь домой.

АНТАЛИЯ

вдоль дороги крутой у горного серпантина,
где доносится тихий шелест утеса выше,
танцевали, искрясь, темно-синие палантины,
темнота проплывала, вздрагивал остров мыши.
грозовые нити сшивали собою ткани,
оставляя везде дорожки златого света.
все вокруг жило, само о себе не зная
только чувствуя как призвание, как примету.
на деревьях замолкли птицы в огне лимонов,
а надутые апельсины почти взорвались.
в руку сунул прохожий искренне, мимоходом
голубой цветок, который искал Новалис.
прогремело. или золото стало небом?
вдалеке, обнявшись, как братья, рыдали горы,
от любви находясь в исступленьи почти нелепом
и представить нельзя, чтоб им слышались разговоры,
запах брынзы, ядреных специй и свежей рыбы,
звон приборов или же ломаный треск жаровен.
быть людьми и жить беззаботно они могли бы,
но всегда мешал несмолкающий шепот моря.

ОТСУТСТВИЕ СЛУЧАЯ (ИЛИ ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИСХОД)

1.

некто ванечкин брел однажды к себе домой,
на работе не досидев, так болел живот.
в этот славный день, что похож на любой другой,
то и дело он забывал, для чего живет:
все сбивался с шага, очень хотел воды,
восклицая «ванечкин!», бил себя по лицу.
и тащился так бесконечные семь минут,
непрерывно в кармане ощупывая ключи,
чей рельеф он тактильно выучил наизусть
к тому времени, как дошел до входной двери.

2.

то была еще не квартира, уже подъезд.
только ванечкин, хотя сам он почти исчез,
от извечной боли впиваясь во льды перил,
ясно понял одно — дверь кто-то заменил!
взгляд привычен к железу, серенькому в пыли
эта — странно блестит, точно сделана из стекла
и на ней табличка потрепанная висит,
оглашая суровое «прачечная “москва”».
бедный ванечкин злобно пнул эту дверь ногой.
колокольчик звенел, предвещая смертельный бой.

3.

говорила менеджер зина в квадрат-очках:
«сколько помню, всю жизнь здесь прачечная была»
думал ванечкин — дура, возьму и убью тебя.
он от боли едва держал себя на ногах:
«я жилец в этом доме!», адрес долбил, кричал,
тетка зина кивала растерянно и тряслась.
в ее грязных очках отражался его металл:
«здесь всегда, сколько помню, прачечная была!»
а спустя полчаса, уже вдоволь наматерясь,
ванечкин обнаружил — ключ у него пропал.

4.

еще помнили пальцы бодренькую резьбу,
еще алыми были от сжатия по краям.
этот ключ настолько похож на его судьбу,
этот ключ не подходит всяким чужим дверям,
этот ключ — от дома. ванечкин обыскал
все пространство треклятой прачечной и вокруг
зине свой телефон оставил и наказал,
чтоб она позвонила, если отыщет вдруг.
и решил еще раз пройти маршрутик туда-сюда
от работы до дома привычные семь минут.

5.

шел все дальше от дома ванечкин идиот,
с каждым шагом трудней вспоминая, зачем идет
по привычной дороге, по улице тихой вдоль.
и когда все ушло, осталась брюшная боль.
он зашел в больницу, сказал себя посмотреть,
что опять беспокоит эта, ну как ее
и ему подсказали — язва, он знал себя,
но поклясться мог, что не слышал подобных слов.
а когда медсестра спросила, кто он таков,
после долгих раздумий выдавил только «ва».

6.

ва лежит на каком-то крыльце, растревожен сном.
исчезает чувство, что мир его неделим,
будто жизнь он прожил как есть — целиком один,
ему снится входная дверь и жена с ключом.
суть жена объясняет: ванечкин, ты в беде
я ведь знаю, что лежит у тебя в столе
сколько раз любил, изменял и был разведен.
знаю каждую родинку, знаю тебя всего.
а потом — резкий свет, рывок из последних сил.
ва сидит на крыльце, понимая, что все забыл.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ
НОВЫЕ СТИХИ

РОЖДЕНЬЕ ПОЭТА

Неведомо зачем нас Бог творит
Зачем врата в Бессмертье отворяет
О чем «звезда с звездою говорит»
И что уста поэта повторяют

Поэт рожден природе вопреки
При родах что-нибудь да происходит
Вот тихий Рыбинск город у реки
Но и его воздушный асс находит

Одна из бомб нацелена в роддом
Взорвавшись меж собором и роддомом
Асс улетел на свой аэродром
А я родился оглашая ором

Тишайший Рыбинск где кругом сады
Сиреневые и наличники резные
И колокольня прямо из воды
Растет и к небу тянется доныне

Хоть не хотел я пищу принимать
Сомкнув уста но Волга их разверзла
Бульон стерляжий с именем Христа
Я как Причастье принял — смерть исчезла

О как я благодарен ноябрю
Что выронил меня в глухую бездну
Отверстыми устами говорю
И буду говорить когда исчезну

9 сентября 2012

* * *

Завтра мы встретим друг друга
В Райском саду за окном
Выйдем из Райского круга
В Райские кущи вдвоем

Завтра мы будем Богами
Боги они так легки
Боги окажутся нами
Нам быть Богами с руки

Соприкоснувшись друг другом
Мы улетим сквозь года
Выйдя из Райского круга
В Рай где мы будем всегда

Выйдем из Райского круга
Если опять захотим
Мы улетели друг в друга
И мы друг в друга летим

СВЕТОВОРОТ

От Солнца отделяется Земля
А от Земли рождается Луна
Весь этот СОЛНЦЕЗЕМЛЕЛУННЫЙ оборот
Меня пленит и за душу берет

* * *

Откуда кто плывет в какую даль
Не ведают матросы капитаны
Из Никогда плывем мы в Никуда
Титаники киты полутитаны

Я вижу даль плывущих кораблей
Весь горизонт наполнен кораблями
От кораблей в глазах моих темней
Уже весь мир заполнился тенями

Тень уплывает в тень и море тень
И небо тень и солнце теневое
Отбрасывает свет и темный день
Давно укрыл от света все живое

ОШИБКА ДАЛИ

Сальватор Дали говорил
Что зеленый цвет это смерть
Он лазурь любил и берилл
Но лазурь холодна — заметь

А зеленый цвет это жизнь
Напоенная влагой земли
Это жизнь эта жизнь эта жизнь
Нет не прав Сальватор Дали

Левитан оказался прав
Вечной зеленью смерть поправ

ВОТ В ЦЕРКОВЬ ПРИШЕЛ СТАНИСЛАВСКИЙ

Вот в церковь пришел Станиславский
Открылась Небесная Дверь
— Не верю — кричит Станиславский
А Бог отвечает: «Не верь»

Вот Бог из невидимой ложи
Увидел его Трех сестер
И тихо воскликнул: «О Боже»
И слезы со щек своих стер

— Не верю — кричит Станиславский
— Кто в жизни так плачет еще —
А Бог улыбнулся и ласково
Его потрепал за плечо

* * *

Нет не смиряюсь я с потерей милых
Душа опять все двери отворяет
Я сердцу доверять уже не в силах
А сердце мне как прежде доверяет

* * *

Мы будем вместе после расставанья
Сейчас мы врозь но скоро будем вместе
Но расставанье это расстоянье
А сердце сердце вечно не на месте

Гениальный поэт слишком ярок
Ученик мой уходит уходит
Вдруг внезапно-последний уход
Наша дружба была на исходе
Навсегда затянулся исход

Гениальный поэт слишком ярок
Замыкало у многих мозги
Он оставил вселенский подарок
Метатексты и метастихи

Книжный червь прицепил к реализму
К черту коему тут реализм
Преломил сквозь эн-мерную призму
весь наш мир превратил в мегамир

Леша Парщиков Парщиков Леша
Эх вернуться бы в 75-й
Все стихи гениальны до дрожи
Мы в эн-мерном распятье распяты

Ученик мой уходит уходит
Вдруг внезапно-последний уход
Наша дружба была на исходе
Навсегда затянулся исход

ПАЛИНДРОНАВТИКА

а ни деструкция яиц кур седина

лег ЕГЕ Гегель
хи Шелинг гни леших
ого Бубер реб у Бога
а зон и пса Спиноза
Ешь циник Нитцше
на кол Локан
Лиотар а то ил
меч чюма Камю чем
он род Адорно
Сартр трас
ад и бред Дерида
рей Айер
Юнг ню
вес о Лосев
а гор Родоп Подорога
Дугин иг уд

* * *

Увядших роз печальны лепестки
Я начинаю с будущей строки
Ах в будущем тех строк еще не мало
И сад цветет хоть роза в нем увяла

* * *

Искусство затерялось в пустоте
А пустота не хуже воровства
Спасибо вам за миф о красоте
Наместнице небесного вдовства

Смотри как мы скользим с тобой с горы
На санках я прижал тебя к груди
Я знаю та гора была Парнас
Но санки ускользнули из-под нас

Итак мы вместе жизнь давно прошла
На небе не осталось никого
Луна взошла зачем она взошла
Взошла и все-все значит ничего

Я уезжаю в детство там тепло
И холодно когда коснулся дна
Но помню как ладошкою в стекло
Уперся но не выпал из окна

СТИХОДОЖДЬ

Все стихи мои не менее
Чем природные явления
Дождь гроза стихи поэмы
Глухи без меня и немы

Напишу — гремит гроза
Дождь шумит в глазах слеза
Все явления природы
Для стихов моих пригодны

Был когда-то мезозой
Бог стихи писал грозой
Ныне стиль Его иной
Пишет мной и тишиной

Стиходождь в окне шумит
Что-то сладкое щемит
Грянул гром не грянул гром
Стихоаэродром стихоаэродрем

ВОДАЛЕД

Мы расстались давно ненавидя друг друга
Как со льдом расстается вода
Никогда нам не выйти из этого круга
Водалед или Ледвода

* * *

Где-то там внутри меня
Возле Козерога
Как вам братцы без меня
Так и мне без Бога

* * *

Дай мне понять
Понять мне только дай
Но не рыдай
Со мной ты не рыдай
О будущем бессмысленно рыдать
Нет не рыдай
А просто дай понять

* * *

Скажу географию изменя
И изнемогая от страсти
Река Кама-сутра впадает в меня
Как Волга впадает в Каспий

* * *

Я заблудился возле Ля Скала
в собор Миланский мы вошли
Меня нашли там где не искали
Меня искали но не нашли

* * *

Перешагнуть этой жизни границу
Всегда так рано всегда так поздно
Перелестни если сможешь страницу
Но не читай — это слишком серьезно

ОРФЕЙ ОР ФЕЙ

Все во мне перевернулось —
К Эвридике повернулось
Сенкью! Хао ду ю ду!
Я опять — Орфей в аду

* * *

Я любил тебя всегда и прежде
На всю жизнь —
Но жизнь так далека
У меня последняя надежда
На твои нагие облака
Где-то мир — со мною чем-то связан
Но ему я мало чем обязан

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

Основной закон капитализма
Жить спокойно до социализма

Основной закон социализма
Жить спокойно до капитализма

Я НЕ ЖИЛ ЗДЕСЬ НИ ДНЯ НИ ЧАСА

Скажу вам честно и пристрастно
Я откровенен как всегда
Я не жил здесь ни дня ни часа
Я лишь заглядывал сюда

Мне мир всегда был только пыткой
Будь то успех иль неуспех
Но сдерживало любопытство
не самый страшный в мире грех

Когда я вспоминаю детство
Что сделали с моим отцом
Скажу — возможно людоедство
Но с человеческим лицом

Витийство как самоубийство
А я всю жизнь витийствую
Одна есть истина витийство
Пишу — самоубийствую

Окончание на стр. 5

КОНСТАНТИН КЕДРОВ
НОВЫЕ СТИХИ

Окончание. Начало на стр. 4

20–Й ВЕК ЕЩЕ НЕ НАЧИНАЛСЯ

20-й век еще не начался
Россия топчется в его начале
Еще и футуристы не звучали
И не было Ивана Ильича

Убиты все кто жил в 20-м веке
Убиты все или почти что все
Кто правду говорил о человеке
А те, кто лгали — те во всей красе:

Генералиссимусы и генсеки
Творцы гражданских войн и мировых
Все эти людонедочеловеки
Как Ленин и теперь живее всех живых

У Мейерхольда и у Мандельштама
и у Цветаевой
В России нет могил
Условные могилы — не могилы
И Хлебников не умер и не жил

Малевич тоже погребен условно
Расстрелян Витебск — улетел Шагал
Ушли и те кто их беспрекословно
Расстреливал сажал и убивал

Не начинайся чертов век 20-й
С Гражданскою его и Мировой
Лев Николаевич! По-прежнему печатай
Про ненасилие — будь всегда живой

ВЕНОК ВЕНЫ

Я далек от власти и наживы
Мне на все наживы наплевать
Виртуальный это просто лживый
Вот о чем не надо забывать

Назидательность? Нет просто откровенность
Откровенность, но от слова кровь
Кровь открыл от крыл стал внешневенным
Внешневенен Штраус как любовь

Внутри Вены я бродил как страус
По аллеям возле Сан-Сусси
Оперенье черное как траур
Вечный траур по своей Руси

И еще конечно рядом Моцарт
С Моцартом ходить бродить устало
Ах amorte morte morte morte
Не дожить живым до пьедестала

ЛУНА И КАНТ

Кант и Луна идут навстречу друг другу
Кант и Луна стремятся друг к другу как Север
к Югу
Кант и Луна неразрывны как пенье бельканто
Земля Луны это небо млечного Канта

Кант и Луна — неизбежно это сближенье
Кант и Луна отражаются в отраженьи
Кант и Луна и Сириус вместе с ними
Кант и Луна — место встречи всегда над ними

ФОРМУЛА БОГА

Квадратный корень из нуля

* * *

Говорили говорили —
Бог — Любовь
Ныне нефтью заменили
Кровь

* * *

Бог
разговаривает
с нами
снами

ВОЗНЕСЕНИЕ

Реки покинув русла
Вырвались на свободу
С неимоверной грустью
Вышел Христос к народу

Вновь от избытка чувства
Толпы остолбенели
Реки покинув русла
В венах Христа звенели

Вот уже он растаял
Не покидая облика
Долго облик Христа
Грустно хранило облако

КАЗАНТИПСКАЯ ТЕТРАДЬ

ПРИБОЙ В КАЗАТИППЕ

Отсюда в мир приходит тишина
Которую выбрасывают волны
Где вечность вечностью предрешена
И есть на все твоя святая воля
И не моя моя моя вина
Когда на берег набежит волна
Но чувствую себя самим собой
Вот почему мне нравится прибой
Откуда ты уверенность берешься
Что ты уйдешь волной — волной вернешься

* * *

Все что возникло
исчезнет
все что исчезло
возникнет
Вовсе не мертвая
Бездна
Бездна когда нибудь
крикнет

ПЛАНЕТЫ

Летит алмазная планета
Летит стеклянная планета
Летит планета из рафинада
Не то из Рая не то из ада

Летит галактика из спирта
Летит галактика из флирта
Переливаясь мужским и женским
Летит подрагивая в блаженстве

Летит Земля из всего на свете
И мы ее нелепые дети
Летим к планете из шоколада
Других планет никому не надо

* * *

Если солнца нет то отогрется
Можно на груди среди бессонницы
Если солнца нет то светит сердце
И пульсирует за горизонтом солнце

Навсегда исчезнет этот социум
Но останется в моем оконце
Сердцесолнце или Солнцесердце
Солнцесердце или Сердцесолнце

ВЕЕР

Наш мир нечетко обозначен
В нем есть пунктиры и пробелы
Я кое-что переиначил
Перераспределил пределы
Не беспредел но беспредельно
Мир распахнулся словно веер
Здесь каждая звезда отдельно
А там весь космос не отделен

Поигрывая сам собою
Как веером в руке дрожащей
Над бездной мира голубою
Я подлинный я настоящий

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ РАХМАНИНОВА

Ах Рахманинов —
Музыка звука
В каждой ноте рыданье
Каждая нота я

Нет никогда я не буду
Нет никогда
Я я
Никогда
Я я я
Никогда
Да да да да
Никогда

ТЕСНО

Всем известно —
Самолетам в небе тесно

Повсеместно
Всем на свете тесно

Тесно кашалотам в океане
Тесно всем Титаникам в тумане

В измереньях нами не открытых
Мечутся частицы на орбитах

Тесно им они собою полны
Потому они частицы-волны

Всем известно
Миру в мире тесно

Если честно
Человеку тесно

ИСТОМИНА ЦИРКУЛЬ–ШТОПОР

Не выходя за пределы круга
Можно с легкостью выйти из круга
Уходящая в штопор Истомина
откупоривают собой весь мир

Раз вращаясь
Два вращаясь
Развращаясь

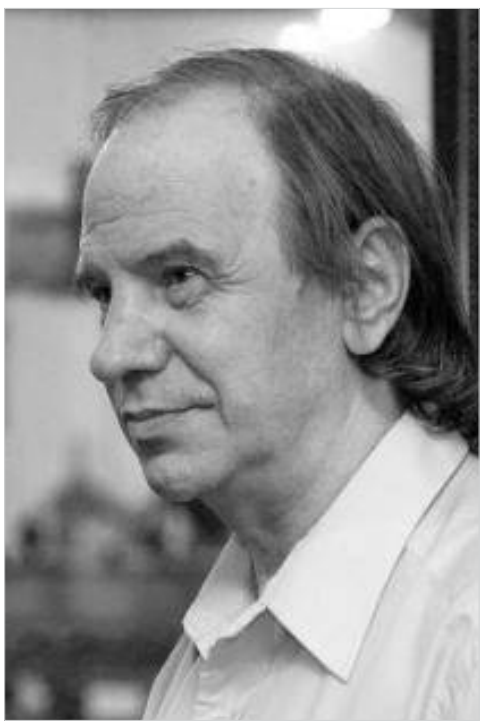
Как циркуль пляшущий на одной ножке
В нездешнем фуэте
Она совершает оборот вокруг сладчайшего центра
И прощай Истомина
Здравствуй Вечность

* * *

Все у нас мировое
Все берет за живое:
Мировая война
Мировая жена
И пока я живой
Я поэт мировой

ШЕКСПИР И ГИЛИЛОВ БАСНЯ

Мы видим все чего не видели другие
Ведь мы ребята ого-го лихие
Что нам Шекспир что юмор что сатира
Ведь всем известно — не было Шекспира



Шекспир он что всего лишь делал гранты
А пьесы за него писали графы
А что касается Ромео энд Джульетты
То тут не обошлось без Иелизаветы

Всю эту гиль
сам сочинил Гилилов
Гилилов был
А он не из дебилов

Шекспир не сам зато Гилилов сам
Для нас невежд все это написал

МОИМ ЗАКРЫВАЛЬЩИКАМ

Ну чего они от меня хотят
Чтобы я перестал говорить что думаю
Утопил свою мысль как живых котят
Как еще искорежить судьбу мою

Только мысли давно уже без меня
Разбрелись кто пО небу а кто пО миру
Ночь бывает намного светлее дня
Забывайте по суху аки по морю

Понимаю устали со мною мучится
Закрывать полвека устав от критики
Закрывайте! Но вряд ли уже получится
Все закрытия ваши уже Открытия

ИГОРЬ ГРИГОРОВ
ВЕШНИЕ НЕБЕСА

НА БЕРЕГУ

Это — берег твоей реки. Обветшалый лед
Старым платьем трещит и ползет по швам,
Ты впервые с осени видишь — река течет,
А лоскутные льдины уходят по рукавам

И протокам реки туда, где горит закат,
Но река заливает жар — без ее воды
Небо выгорело б дотла много лет назад,
Так же вечером. Зеленоватый дым

Лег на кроны деревьев, зыбкий, как этот мрак,
Что с трудом скрывает вешние небеса,
И растет тишина, сквозь которую слышишь, как
Прорастают травы, и кажется, что ты сам

Прорастаешь корнями в суглинок речных террас,
Неподвижен и нем, забывая, что есть слова,
Наблюдаешь, как время движется мимо нас,
И лоскутные льдины уходят по рукавам.

ЛЕТО

Москитной сеткой забрано окно.
Дрозды пируют среди спелых вишен.
Мне кажется, я здесь уже давно:
Не удивляюсь, за окном услышав

Рассветное мычание коров.
Приобретаю новые привычки
И вестником совсем иных миров
Воспринимаю голос электрички.

Макушка лета. Силы ветерка
Едва хватает, чтобы тлеть закату.
Дымятся над закатом облака,
Печально безутешные цикады

Оплакивают выкошенный луг.
Им вторят мне неведомые птицы.
Босой ноге приятно на полу,
Особенно — от скрипа половицы.

В сельпо на черный день припасено
По фунту расфасованное лихо,
Но в ясный день становится темно
От пчел над полем, где цветет гречиха.

И, словно принося благую весть,
Приветливо качают мне рукою
Два старика, кому сейчас и здесь
Достаточно и света, и покоя.

ЗИМА

Проснись до света оттого, что печь
Остыла, и тебе приснилось лето:
Поляны трын-травы зовут прилечь,
И много света.

Проснись. Гляди в морозное стекло,
Жди с неба новостей — их мало, впрочем,
И оттого совсем не тяжело
Хвостам сорочьим.

Жди снега, что не выпал в Новый год
И к Рождеству, похоже, не поспеет,
Но до Крещенья точно занесет
Твои Помпеи.

Затеплив печь, смотри в свое окно.
Помпеи просыпаются. Незримо
Приметами до крыш занесено
Паденье Рима:

Невынесенный сор в печах горит,
Уходит к небу дым тревогой древней —
Считая твой, зимой их ровно три
На всю деревню —

Достаточно для лабиринта, где
Смог заблудиться век позавчерашний
И бродит под гармошку — по воде,
Лугам и пашням.

СЕВЕР

Уходили от сумы да от тюрьмы.
Шли дорогами монахов-чернецов.
Горностаевая мантия зимы
Укрывала от погони беглецов.

Шли на север, где земная параллель
Не длиннее обручального кольца.
В край, где дерево в лесу обычно — ель,
В мир, где гость, зашедший в дом — почти что царь.

Жизнь — зима и ожидание зимы.
Море сине, снег полей до боли бел.
Здесь для глаза гжель привычней хохломы,
Ибо красок только две — лазурь и мел.

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Облаками — сугробы, сугробами — облака,
На излете взгляда, белым пятном на карте
Тают, переплетаясь. Их не различишь, пока
Солнце звоном капели не прикоснется к марту.

А весна в этот раз будет чудо, как хороша,
Зазвенят ручьи, что весною одно и важно.
Так же первое прикосновение карандаша
Возвещает надежду белым листам бумажным.

Это будет весной: будет небо, как бирюза,
На ступенях судьбы, поднимающихся полого,
Ты коснешься моей руки, посмотришь в мои глаза —
И моя душа прикоснется к Богу.

АПРЕЛЬ

Обнажаются поля и коленки
И меняются сугробы все пуще:
Солнце выпило молочную пенку,
А на донышке — кофейная гуща.

Рыболов забросил зимние снасти.
Котофей поет романс по-соседству.
А по небу перелетное счастье
Возвращается из теплого детства.

АВГУСТ

Небо отдано журавлям.
Солнцем выше краев полны
Дни, а ночи несут прохладу.
Снова будут шуметь поля,
Что устали от тишины.
Налетевшему ветру рады

Ветви дерева. И шатер
Из зеленых листьев широк
И непреодолим для света,
Только август — плохой актер:
Монотонно твердит урок
И бездарно играет лето.

Разве важно, что в полдень — зной,
Небосвод беспредельно чист
И приятно дремать на сене,
Если с нежностью неземной
Ты глядишь на зеленый лист,
Понимая, что он — осенний…

СЕНТЯБРЬ

Когда на юге — бархатный сезон,
А здесь мальки по лужам брызжут в школу,
Я выхожу выгуливать свой зонт
(Цветастый, не по возрасту и полу),

И размышляю, листья вороша,
Что быть дождем, наверное, приятно:
Стекаешь себе с неба не спеша
И тихо обнимаешь необъятность.

Вдыхая запах листьев и хвои,
Задумчиво беседую с собою:
И я бы мог всю землю напоить,
Да только вот живою ли водою?

Печальной этой думой побежден,
Вздыхаю тяжко, взвесив все серьезно:
Уже, пожалуй, поздно быть дождем.
Но вдруг хотя бы радугой не поздно?

Заголубеет небо бирюзой,
Иссякнет дождь. Иду себе, веселый,
Выгуливая семицветный зонт,
Что мне как раз по возрасту и полу…

ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Снять Лето — большая идея!
(Увы, неумение — враг мой),
И я — ученик чародея —
Над выдержкой и диафрагмой

Колдую, — но снова и снова
Чуть смазана память о лете…
И юный фотограф сурово
Ругает порывистый ветер.

Как странно, дружище, как странно:
Ведь сбудутся в жизни иные
Волшебные дальние страны
И четкие снимки цветные,

Но этот — еще черно-белый —
Останется неким пределом:

Там старая яблоня. Рядом,
На длинном шесте среди сада,

Обитом железом от кошек —
Скворечник, слегка перекошен,

Смородины куст и качели,
Что мне столько песен пропели,

И небо. Но — странное дело:
На снимке моем — черно-белом

И выцветшем, словно обои, —
Оно до сих пор — голубое…

ПРОЩАНИЕ

Ладошки пряча в рукава плаща,
Лишая ветер осени улова,
Ты на прощанье выдохнешь: «Прощай» —
Косым дождем пропитанное слово.

Кивнешь едва заметно головой,
И между нами разольются годы.
Так дерево прощается с листвой,
Даруя ей минутную свободу.

А мне через года приснится вдруг:
Осенний вечер, листья на дорожке,
И будто я пытаюсь на ветру
Согреть в своих руках твои ладошки…

ЮРИЙ ГОДОВАНЕЦ
ВОСЕМЬ НЕБЕС ЮРИЯ БЕЛИКОВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ВДОХ

Я давно уже поменял пушкинские местоимения места и времени: «Поэт, не дорожу любовию народной. Восторженных похвал прошел минутный шум; услышал суд глупца и смех толпы холодной, но я остался тверд, спокоен и угрюм. Я царь: живу один...» И — далее, в том же кристальном ключе, вплоть до «колеблемого треножника».

Так я еще недавно безмятежно размышлял, пока по московскому небу не засквозила бегущая интригующая строка: в московском издательстве «Вест-Консалтинг» выходит книга Юрия Беликова, и вот она — с библейским названием: «Я скоро из облака выйду»! Не скрою, сумасшедшая физическая радость держать в руках новую книгу гениального друга из Перми — как в ту самую эпоху метафизического застоя — трепещущее невозможное метеоритное чудо. Тем более, что книга сия предполагает «на месте века XXI-го/ узреть инопланетный сплав».

ПЕРВОЕ ОБЛАКО (В ПЕРЕВОДЕ С ДЕЛЬФИНЬЕГО)

Недавно Юра написал мне: «Вы над Москвой облака разгоняете? Вопрос: куда движутся они? Разумеется, в мою сторону. Я их пасу».

Разогнать облака нетрудно, а собрать их в боевой порядок или вложить одно в другое, да так, чтобы пластически каждое оказалось на своем отдельном небе, это большое искусство.

Вот почему сразу оказалось, что облако, из которого выйдет поэт, не одно! И поэту предстоит сбросить с себя одно за другим восемь облаков, а восьмерка — октагон — символ бесконечности.

Начиная с «Монолога непроизносимого» имени исландского вулкана Эйяфьятлайокудля, первое облако посвящено самым разнообразным способам движения голоса, языка и смысла, включая старую кассету, книги мертвых, клавиши книжных корешков, перезахоронение праха убиенного в уральской зоне Василя Стуса, ультразвуковое пение поэта с поэтом («Вознесенский говорит голосом пришельца...»), полковой марш. «Марш долгового облака», собственно, и дал сигнальную побудку названию книги. Поэтому поговорим о нем особо.

Вначале историческая конкретика. Четвертый Норфолкский полк англичан во время Галлиполийского сражения в Первую мировую полностью вошел в лежащее у него на пути облако, а обратно не вышел. Облако поднялось и растаяло в небе. Даже эта конкретика уже наполнена философской символикой: а сколько к тому канувшему полку прибилось и прибивается? Униженных и оскорбленных, отверженных и загнанных, угнанных и непонятых:

Пока нас Земля забывает,
в полку прибывает полку,
но в облаке места хватает —
стоит над Землей, набухает.
Эй, кто облака разгоняет!
Что с этим-то! «А не могу».

Но поэт сгущает исторические и философские смыслы до разряда молний, до того самого космического, инопланетного эффекта:

Мы здесь не состарились вовсе —
такие, какими вошли.
Из облака выйдем авось мы,
но в облике этом и свойстве
найдем ли признанье Земли?.
Узнаем ли сами Земли?..
Узнаем ли мы, не узнаем ли мы,
что мы не узнаем Земли?

Крепчайший поэтический градус. Изумительный мастер! Недаром Евгений Евтушенко включил эту балладу наряду с другими стихами Юрия Беликова в антологию «Десять веков русской поэзии». Но любоваться совершенством отдельных образов и строчек мало, хочется познать, как устроен и работает иерархический механизм книги, ибо, на мой взгляд, именно поэтическая книга (не сборник по определению) и является долгожданной единицей творческого высказывания — крупной художественно-симфонической формой.

ВТОРОЕ ОБЛАКО (РЕЧЬ ИВАНА)

Во втором облаке меня начинает одолевать догадка, что Пушкин не совсем прав, что мой высший суд — это не я сам, а кто-то еще, Иван, например, или Беликов, или зимний рыбак, которому «не хватает лунки», или перевернутый Маяковский («Я интересен. Этим и поэт»), или Вадим Рабинович, коему посвящено одно из кодовых стихотворений этого облака, а может, и книги — «Волею алхимика». В том же письме про ежегодный московский разгон облаков Юра рассказал о своей последней встрече с героем стихотворения, произошедшей менее чем за месяц до его внезапной кончины. О том, как Рабинович — поэт, философ и знаток алхимических тайн живо выхватывал своими искрящимися небесными очами слушателей вот этих исполняемых Беликовым строф, словно желая зачерпнуть ту же подтвердительную глубину понимания, что тогда, во время прочтения, сияла в нем самом:

Не упрекай меня серебряным
и не кивай на золотой,
я и в свинцовый с его цербером
не собираюсь на постой.
Но я плесну азарта унцию
в состав из вынутых веков
и над ретортой побезумствую,
и вот уж новый век готов...

Итак, Беликов трудится над составом нового века. А рецептура?.. «Стань рекой, человек», ибо поэт «впадает в океан», предварительно, как «бобыль домой студентку», впустив в себя пустоту.

ТРЕТЬЕ ОБЛАКО (ЗАМАШКИ ИМПЕРАТОРА)

В принципе, когда я читаю стихи, я забываю о себе. А когда я пишу, я забываю о стихах. Но когда я читаю стихи Юрия Беликова, то постоянно вспоминаю о себе! А когда я пишу, то не могу забыть его стихов. Потому что Беликов — это удивительный камертон поэтического слова и далеко не камерный:

Снимаю скрепки с рукописей,
как сапоги с мертвых...

Третье облако с «Замашками императора», уже волею верлибра подрывает пушкинский призыв: «Ты царь: живи один», ибо любой, кто чувствует себя императором, «исподволь готовится к встрече со своей тайной дочерью», остается «перед клеткой с бурым медведем,/ позабытой среди России,/ на развилке лесной дороги», «кормит бездомных собак», в баньке почерному, ставшей своего рода невольным лучевым оружием, по самооговору автора свалившим «работоспособного Исаича», поминает Солженицына, и даже беликовские гуси Пушкина ищут. А сколько скрепляющего медного звона в его «Сказе о волшебных силовых кругах», где отворяется едва ли не физическая, державообразующая тайна церковных колоколен с переходом на все тот же космическо-инопланетный уровень:

Страшно, когда Земля
вращается вхолостую —
ни солнце и ни луну,
ни звезды не задевая.

ЧЕТВЕРТОЕ ОБЛАКО (СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ)

Стихотворение «Гармонь, разорванная надвое» я давно знаю и люблю:

Я представил, что Россия, как гармонь со мной взята,
я услышал сквозь мехов свистящий вздох,
как бегут по-на две стороны Уральского хребта
запыхавшиеся пальцы поездов.

Тут поэт в обнимку всю Россию берет, когда «половина той гармони уползает на восход,/ половина уползает на закат». И из этого облака никогда ни ему, ни нам не выйти, не смотря на сквозное движение железнодорожных составов, нашествие всех стран, проникновение заоконно-враждебного крика в материнский сон, почти мольбу о заштриховке всего, что привиделось автору — «до синего ворона аж!» — крошащимся карандашом дождя.

Обнимая Родину, как гармошку, сжимая меха, поэт не дает ей распасться.

ПЯТОЕ ОБЛАКО (НЕ СМОТРИ)

Это лирическая книга тончайшего письма, где поэт науськивает на девушек сирень, ловит их бреднем поношенной куртки, одухотворяет «Философией бедер», исследует на фоне печки и храма, измеряет своим аномальным, с точки зрения докторов, не читавших первую его книгу «Пульс птицы», сердцебиением («Ты не знаешь, кто сердце мое обул?/ Не сезонные, чай, сапоги...»), поскольку это облако означает соитие мужского и женского начал в одно целое.

Но, как и следовало ожидать, эти пограничные упражнения с физической реальностью («Я, набравший избыточный вес,/ с горизонта почти исчез,/ как на станции Кез ирокез») завершаются предположением, что:

Может, так вот и Бог, сколотивший миры,
ударяется в некий торец,
чтоб затем убедиться: до этой поры
не был равен творенью Творец?

ШЕСТОЕ ОБЛАКО (МИНЫ МОЛИТВ)

Если облака, как таковые, это взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара, видимые на небе с поверхности земли (впрочем, и с поверхности наднеба), то шестое облако Беликова все состоит словно из капелек святой воды и представляет собой индивидуальный Молитвослов поэта.

Без этого из облака не выйти! И внезапно открывается, что сегодня любовью народной надо дорожить, потому что она внеземного происхождения — наподобие оконной рамы, которая «живицею плачет»:

Да ведь и сам ты — как старая рама!..
Вроде морили, травили и лаком
так покрывали, что Господи, знамо,
длань возложил — ну а ты и заплакал...

Более того, народную любовь надо заслужить, а для этого — написать стихотворение «Человек, предавший зверя», о котором после публикации его в ЛГ» было точно сказано оренбуржским собратом Беликова В. Молчановым, что оно «вызывает мороз по коже»:

Я умираю в собаке, которую предал.
Жду, что умру.
Дабы мой след опознав, не считала она его следом
в Божьем миру.

Но дальше, когда подступает крещендо:

И всколыхнулась, взыграла людская клоака:
— Пробил твой час!
— Люди! — Он молвил, — во мне умирает собака...
Впрочем, и — вас!

Как свидетельствует рассказ книги Исход о явлении Бога Моисею на горе Синай: И сошел Господь в облаке, и остановился там близ него, и провозгласил имя Иеговы. А когда израильтяне вышли из Египта с разрешения фараона и вступили в пустыню Аравийскую, Господь шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь.

То есть облако в мировом искусстве знаменует о присутствии Бога и является посредником между горним и дольним миром, духом и материей, сном и реальностью.

СЕДЬМОЕ ОБЛАКО (НЕОПОЗНАННЫЙ МАХАТМА)

Из седьмого облака выходят два Юры — поэты Беликов и Влодов. Облако, куда они вместе вошли в 1992 году, стало машиной времени. «Почему тебя величают «Махатмой российских поэтов»? Гипербола или что?» — любопытничаю я. — Или что, — перекатывает слова Юра. — Вот ты назвался Паханом нашей словесности. Это — в натуре? Или — балаганишь?» — звучит взаимно колкий диалог двух Юр. Один из которых (Влодов) запустил в народ крылатое двустишие: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!». А другой (Беликов) — сталкер Пермского треугольника. Вот отчего, как нитка пульса, и в этом облаке, теперь уже устами Влодова, вновь возникает инопланетный мотив: «Над Переделкиным обыденно светилась странная крупная звезда. — Гляньте-ка, это ж летающая тарелка, — гутарили стоящие на аллее литераторы. — И вчера была в это же время... Через час-другой уйдет на восток...» Но то, о чем не ведомо завсегдатаям Дома творчества, приоткрывает бесприютный Влодов: «Я-то знал, что сия странная звезда всегда сопровождает моего друга». Это облако — икона в иконе, автопортрет в портрете.

ВОСЬМОЕ ОБЛАКО (УЧАСТЬ КНИГИ)

Нам так не хватает прошлого, чтобы построить будущее! Нам так не хватает настоящего, чтобы спасти прошлое! И поэт выбирает небесную точку опоры — облако, которое может перевернуть землю.

Так что же выходит из облака? Эта книга! Хотя именно восьмое облако как бы отторгает все семь, предшествующих:

Скряга я пусть, сквалыга,
столпник, чернец в дому,
только нет слаще мига —
знать: у тебя есть Книга,
отданная — Никому.

Неслучайно здесь же возникает фантом Пушкина, за всех своих последователей в пересказе автора заявившего: «Все мы на лицах ищем/ оттиски наших книг...» Потому что скоро грянет лавина поэзии! Вышел Беликов, выйдут другие. Тот самый канувший в «набухающем облаке» полк. Как известно, Юрий — вождь движения дикороссов, сетевой организации не только без организационной структуры, но и без сети как таковой. В основе объединения — свобода, творчество, любовь. Показательно, что, благодаря подвижнической воле Беликова (опять — «Волею алхимика»!), их даже признал исключительно украиноязычный журнал «Киевская Русь», опубликовав на языке оригинала (то бишь — русском!) и при этом назвав «уникальным явищем». На скрижалях дикороссов значится, что они «прорастают самосевом, не надеясь на приход Садовника и любовь Родины». Так поэзия и, в частности литература в целом становятся для России делом государствообразующим.

Выход книги прямо из облака — оригинальный издательский прием, который показывает, что сама природа наэлектризована поэтическим текстом. Таким образом, книга — как художественное произведение — это сложный артистический фокус и — в то же время — это живой фокус творческого мироощущения евразийского масштаба.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫДОХ

Мое мнение простое и ясное: книга Юрия Беликова «Я скоро из облака выйду» — это роман! Роман «Доктор Живаго», но только почти без прозы, а из одних стихов. Сквозь призму узнаваемой биографии автор, связывая нас с классиками (Тредиаковский, Данте, Фет, Мицкевич, Золя, Гоголь, Достоевский, Вольтер, Толстой, Гёте, Сервантес, Солженицын, Стус, Вознесенский. Маяковский, Пушкин, Блок, Шаламов, Каменский, Бодлер, Шукшин, Влодов и др.), физически выразил состояние нашего переломного метафизического времени, состояние ожидательное, состояние тесной пустоты, состояние, которое просто необходимо наполнить мощным художественным простором:

Пусть, волею моей взлелеяна,
история отступит вспять,
но я заставлю Менделеева
его таблицу переспать...

Это слышится все из того же стихотворения с посвящением Вадиму Рабиновичу. А заканчивается оно так:

И ты почтишь поэта скверного,
потомок, прах его поправ,
на месте века XXI-го
узрев инопланетный сплав.

Опять-таки тот самый! Как явствует из вышеупомянутого письма Юры, Вадим Львович переспросил: «А кого вы имели в виду под “скверным поэтом”»? — «Себя, конечно», — заверил его Беликов. Потому что гениальное не страшится быть скверным.

Учитывая космический масштаб книги, существует угроза, что весь тираж может на корню скупить Роскосмос для отряда подготовки космонавтов и других подразделений, поэтому тем, кто хочет испытать радость взять ее в руки, надо спешить... Ведь поэт предупредил: «...отданная — Никому».

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

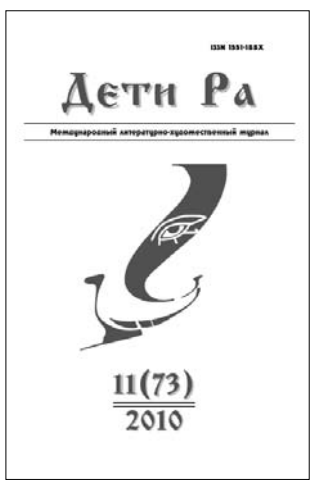
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд